

Лицо Лин Миня было бледнее, чем в предыдущие дни, словно он был прозрачной фарфоровой куклой. В карете курились благовония, под абажуром из голубого шелка мерцал свет. В клубах дыма он казался настолько хрупким и светлым, будто вот-вот вознесется на небеса.

— Ваше высочество, мне вполне можно было остаться в гостинице, зачем было обязательно забирать меня в княжескую резиденцию?

Му Цинфэн взял со стола апельсин, очистил его и протянул дольку Лин Миню.

— Всего два дня прошло, а ты снова похудел. Может, той ночью, когда ты настраивал формацию, пострадало тело?

Лин Минь покачал головой, улыбаясь.

— Вы преувеличиваете, я ведь не бумажный.

Му Цинфэн понял, что тот пытается его успокоить, и это только усилило его чувство вины. Он решил, что пока Лин Минь будет в столице, нужно попросить Ли Чжишаня осмотреть его и укрепить жизненную энергию.

— Ваше высочество, как дела у Гу Шаобая? — спросил Лин Минь.

При упоминании этого имени у Му Цинфэна сразу заболела голова.

— В последние два дня у меня не было времени заниматься им.

— О...

Глаза Лин Миня блеснули странным светом, его лицо, кроме белизны, было заполнено только черным: черные брови, черные зрачки. Он приподнял уголок глаза, словно улыбаясь, но не улыбаясь.

— Ваше высочество, вы сдаетесь?

Му Цинфэн бросил на него холодный взгляд и усмехнулся.

— Разве бывает, чтобы я не получил того, чего хотел? — Хотя, если честно, на этот раз он не был уверен.

Вернувшись в резиденцию, Му Цинфэн устроил Лин Миня и провел с ним некоторое время в беседе, прежде чем отправиться в свои покои. Как только он вошел в комнату, Чжоу Пин закрыл дверь и достал из своего кармана маленький сверток бумаги, полученный от евнуха Линь.

Му Цинфэн развернул его и увидел несколько строк, написанных мелким почерком: «Из старых слуг "Дворца Бамбуковых Зарослей" только Яцянь пропал без вести, остальные либо погибли насильственной смертью, либо умерли от болезней. Яцянь красив, под глазом у него красное родимое пятно, он искусен в рукоделии. Дэ Шунь из Цветочной палаты — его земляк».

Словно в тупике, где нет выхода, вдруг увидел свет!

Му Цинфэн передал записку Чжоу Пину, который, поняв намек, поднес ее к свече и сжег, наблюдая, как она превращается в пепел.

— Дядя Пин, завтра пригласи Дэ Шуня из императорской Цветочной палаты. Скажи, что моя любимая камелия "Золотое сердце" умирает, и я хочу, чтобы он ее спас.

Чжоу Пин согласился, но перед тем как уйти, спросил:

— А что насчет Императорской тюрьмы? Нужно ли, чтобы господин Цзи что-то сделал?

Му Цинфэн вздохнул.

— Нет.

Отношения между Сунь Биньцзы и Ван Сыдао были известны немногим, и доказательств не было. Сунь Биньцзы, с его храбростью, даже если бы и выжил, никогда не предал бы Ван Сыдао. Лучше умереть с достоинством, чем жить в позоре!

Цзи Цзяньчэнь и Фан Цинчи вышли из филиала «Башни Черных Одежд» в Цзинлине. Лоб Фан Цинчи был сморщен в глубокую складку. С детства он учился боевым искусствам у своего мастера Цзи Фэнхэна и редко бывал дома. Хотя он знал, что у его отца был учитель, он не знал, где тот жил. Теперь, когда они наконец нашли его, посланные люди вернулись с новостью, что его забрал князь И.

Даже если этот учитель что-то знал, разве резиденция князя И — это место, куда можно просто войти?

Фан Цинчи задумался, но, только начав говорить, увидел, как Цзи Цзяньчэнь, нахмутив брови, указывает на него пальцем:

— Только не вздумай использовать моего Шаобая для своих целей! Я давно заметил, что этот князь что-то замышляет против него... Мы можем быть друзьями, но если ты заставишь Гу Шаобая пожертвовать собой ради твоей мести, дружбе конец!

Цзи Цзяньчэнь развернулся, и в следующую секунду его уже не было.

Фан Цинчи остался стоять на месте. Что он вообще сказал? Он просто хотел обсудить, что резиденция князя И хорошо охраняется, и нужно тщательно все продумать!

И, конечно, на следующее утро пришло сообщение от чиновника Палаты Дали: Сунь Биньцзы покончил с собой от страха перед наказанием!

В документах Министерства чиновников о Сунь Биньцзы было указано, что его родители давно умерли, у него не было братьев, жены или детей, и потому некому было позаботиться о его теле.

Му Цинфэн, сожалея о его таланте, поручил чиновнику сообщить главе Палаты Дали Го Чаои, что завтра он доложит императору и устроит достойные похороны.

Вскоре после ухода чиновника Чжоу Пин привел Дэ Шуня.

Дэ Шунь вошел и сразу же почтительно поклонился. Му Цинфэн позволил ему подняться и внимательно осмотрел его.

Ему было меньше тридцати лет, он был среднего роста, худощавый, с чистой и светлой кожей. Его почтительный, но не раболепный вид вызвал у Му Цинфэна легкое одобрение. Он привык к тому, как придворные евнухи льстят начальству, но Дэ Шунь, казалось, обладал некоторой

гордостью.

Му Цинфэн, медленно помешивая чай, спросил:

— Дэ Шунь, ты еще молод, но уже занял должность управляющего Цветочной палатой. Кто же тебе покровительствовал?

Дэ Шунь явно не ожидал такого прямого вопроса. Он немного растерялся, но все же ответил:

— Ваше высочество, у меня нет ни талантов, ни добродетелей, чтобы кто-то из господ обратил на меня внимание. Я получил эту должность по двум причинам: во-первых, я действительно хорошо ухаживаю за растениями; во-вторых, мой учитель, евнухи Си Шэн, был земляком главного евнуха Ван Си, и он порекомендовал меня Вану перед своим уходом.

Му Цинфэн кивнул, это совпадало с информацией, которую ему принес Лэн Дун. Этот человек говорил четко и искренне, и, похоже, не лгал. Видимо, его связь с Ван Си, фаворитом императора, была незначительной, иначе его не отправили бы в Цветочную палату.

— Посмотри на эту вещь. Это твое?

Дэ Шунь посмотрел на стол и сразу же опустился на колени.

— Ваше высочество, это действительно моя вещь. Я потерял ее пару дней назад, и не ожидал, что вы ее найдете.

Му Цинфэн заметил, как на лице Дэ Шуня мелькнула радость от того, что он снова увидел свою вещь, и понял, что она действительно имеет для него большое значение.

Он отставил чашку.

— Встань и говори.

— Слушаюсь, — Дэ Шунь снова поклонился и встал, опустив голову.

Му Цинфэн взял нефритовую подвеску и повертел ее в руках.

— Нефрит здесь обычный, но шнурок сделан весьма искусно. Кто его сплел?

Он бросил взгляд на Дэ Шуня, который, хотя и знал, что смотреть на князя — это непочтительно, не удержался и украдкой взглянул на него. Его сердце, и без того тревожное, теперь билось еще сильнее. Говорили, что князь И внешне добр, но внутри глубоко скрытен. Почему он вдруг заговорил с таким низким слугой? Может, он уже знает...

Он не смел дальше думать и не стал скрывать:

— Ваше высочество, эту подвеску сплела служанка по имени Яцян, моя землячка.

Му Цинфэн равнодушно хмыкнул.

— Где она сейчас? Ее мастерство действительно редкое. Может, стоит найти ее и попросить сплести мне подвеску для веера.

Дэ Шунь ответил:

— Четыре года назад, после смерти драгоценной супруги Ли, Яцяннь внезапно исчезла. Ваше высочество может проверить, в архивах дворца все записано.

Слуги и служанки во дворце — самые низшие существа, и исчезновение нескольких из них — обычное дело. Их либо убивали, либо они сбегали.

Звонкий звук заставил Дэ Шуня резко поднять голову. Он встретился с мрачным взглядом Му Цинфэна, который бросил подвеску на стол. Его голос, до этого спокойный, стал резким:

— Дэ Шунь, какие у тебя отношения с Яцяннь?

Лицо Дэ Шуня побледело, и он чуть не сломал колени, опускаясь на пол.

— Ваше высочество, мы с Яцяннь действительно просто земляки. Она была искусна в рукоделии и часто дарила свои изделия другим. Если вы не верите, можете спросить у кого угодно.

Му Цинфэн ударил по столу, и чашки зазвенели. Его смех заставил Дэ Шуня похолодеть от страха.

— Земляки? Просто земляки, а на шнурке из пяти цветных нитей красная нить сплетена в форме сердца? Просто земляки, а на правом углу подвески выгравировано иероглиф «Я»? Неужели... — он посмотрел на все более бледное лицо Дэ Шуня. — эта служанка Яцяннь так любила оставлять следы везде, где проходила?

Каждое слово било как гром. Дэ Шунь почувствовал, что его разум опустел. Он понимал, что Му Цинфэн действительно хочет раскрыть тайну, случившуюся несколько лет назад. Но даже он знал лишь малую часть правды. Яцяннь сбежала из дворца, и ее следы потерялись. Даже если он расскажет все, что знает, это ничего не изменит.

Му Цинфэн, видя, как лицо Дэ Шуня то бледнеет, то зеленеет, приказал Чжоу Пину охранять двери и окна, чтобы никто не мог подслушать.

Двери закрылись, и в просторном зале, наполненном ароматами цветов, остались только они двое. Му Цинфэн не особенно любил цветы, но позволял садовникам украшать зал. Иногда, когда ему было скучно, он приходил сюда и подрезал цветы. Когда он уходил, цветок обычно был близок к смерти.

У автора есть что сказать: Как прошло выходные, а комментариев нет, меня никто не замечает? Ууу!

<http://bllate.org/book/16730/1538907>